

Литературоведение

Научная статья

УДК 7.035.9

DOI 10.17223/18137083/79/4

О традиционализме старообрядцев

Наталья Сергеевна Гурьянова

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Аннотация

Рассматривается проблема особенностей традиционализма старообрядцев. Противники церковной реформы XVII в. справедливо считаются хранителями национальных традиций. Опираясь на древние рукописи и старопечатные книги, защитники старого обряда охарактеризовали свое представление об обряде и богослужбной практике Русской церкви, а в начале XVIII в. перешли к осознанному оформлению традиции своего согласия как продолжения национальных традиций.

Ключевые слова

Русская церковь, раннее Новое время, реформа, раскол, традиции, старообрядцы

Для цитирования

Гурьянова Н. С. О традиционализме старообрядцев // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 53–65. DOI 10.17223/18137083/79/4

The traditionalism of the Old Believers

Natalia S. Gurianova

Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Abstract

The paper considers the problem of the Russian population's traditionalism in the 17th–18th centuries. Opponents of the church reform started by Patriarch Nikon declared themselves the guardians of the traditions of the Russian Orthodox Church. Attention is drawn to the fact that the direction of the Old Believers' search for arguments for their viewpoint on innovations was determined by their opponents' claims that all changes to the new books had been made after comparing them with ancient Greek and Russian manuscripts. The defenders of the Old Rites undertook enormous efforts to find the text fragments from authoritative sources that could testify to the discrepancies between new liturgical texts and ancient manuscripts or old-printed books. They interpreted all the innovations as a departure from tradition and devia-

© Гурьянова Н. С., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 53–65
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 53–65

tions from the true faith. In the 18th century, when formulating the ideology of communities, the leaders relied on this description of the Russian Church traditions perceived by the Old Believers as an actual practice violated by the reformers. The historical scheme of including single communities in universal Christian history made it possible to recognize the community as the only place in the world where the true faith is preserved despite the reign of the Antichrist. A conclusion is made that this approach formed the peculiarity of the traditionalism of the Old Believers: they moved to a conscious description of their community as a continuation of the Russian Church traditions.

Keywords

Russian Church, Early Modern period, reform, schism, traditions, Old Believers

For citation

Gurianova N. S. The traditionalism of the Old Believers. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 53–65. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/4

Проблема изучения национальных традиций, их роли в формировании общества, культуры остается актуальной для всех направлений гуманитарных наук. Особое внимание исследователи уделяют важному аспекту – сохранению и эволюции традиций в меняющихся условиях жизни населения страны. Не менее привлекательной для гуманитариев является научная проблема изучения приверженности традициям. Московская Русь как часть православного славянского мира, который Р. Пиккио, специалист в области литературы и культуры славянских народов, очень точно обозначил «*Slavia Orthodoxa*», всегда была более других привержена традициям. В «Истории древнерусской литературы» исследователь рассмотрел ее развитие, подчеркивая особое влияние Церкви в литературной и общественной жизни страны. В последней главе «Закат *Slavia Orthodoxa*» он справедливо заметил, что во второй половине XVII в. наблюдалось «развитие литературы и в целом движение духовной жизни к менее традиционным формам» [Пиккио, 2002, с. 261].

В данном случае итальянский славист обозначил период, который очень важен для изучения традиционализма, поскольку в это время происходил переход от средневекового типа культуры, для которой характерен был религиозный традиционализм, к его более светскому варианту. При этом Р. Пиккио обратил внимание на раскол в Русской церкви в качестве важного события общественной жизни страны этого периода и совершенно справедливо заметил, что «староверы, безусловно, выступали как сторонники сохранения традиций» [Там же, с. 285]. Далее он подчеркнул, что речь идет о текстах, написанных противниками церковной реформы, не как о фактах литературы: «Идеологически и стилистически они (тексты. – Н. Г.) отражают скорее беспомощную враждебность к новой культуре, а не сознательную верность традиции» [Там же].

Р. Пиккио явно следовал по пути, проложенному Д. И. Чижевским, который не считал памятники письменности, созданные старообрядцами, литературными текстами. Подобное отношение к творческому наследию старообрядцев вполне объясняется его недостаточной изученностью, хотя еще в 1911 г. знаток старообрядчества В. Г. Дружинин опубликовал работу, в которой убедительно показал существование старообрядческой литературной школы [Дружинин, 1911]. По мере углубления знаний об этом религиозно-общественном движении, увеличения количества введенных в научный оборот старообрядческих сочинений, сборников менялось и представление об участии текстов, написанных противниками церковной реформы, в литературном процессе.

И. М. Кудрявцев в 1972 г., вводя в научный оборот сборник XVII в. с подписями пустозерских узников, характеризует протопопа Аввакума как одного «из самых замечательных писателей XVII в.» [Кудрявцев, 1972, с. 153]. Д. М. Буланин в статье, посвященной одной из проблем изучения литературных памятников Древней Руси, при перечислении древнерусских авторов называет не только Аввакума, но и его союзника по пустозерской ссылке Епифания [Буланин, 1983, с. 3]. Совершенно очевидно, что в настоящее время участие текстов, созданных старообрядцами, в литературном процессе не вызывает сомнений у исследователей¹.

Не менее важным представляется и уточнение по поводу утверждения Р. Пиккио о том, что приверженность традиции у старообрядцев отражала «скорее бессознательную враждебность к новой культуре». Отрицательное отношение противников церковной реформы к новшествам не всегда означало враждебность к «новой культуре». Чаще всего речь шла о заявлениях полемического характера, которые не всегда реализовывались в практической деятельности авторов-старообрядцев. Об этом свидетельствует одновременное появление новаторских тенденций в официальной литературе в качестве результата влияния южнорусских писателей и формирование новаторских подходов к созданию литературных произведений в среде противников церковной реформы. С. Матхаузерова очень убедительно показала это, представив результаты сопоставительного анализа авторских приемов в произведениях Симеона Полоцкого и протопопа Аввакума [Матхаузерова, 1976].

Участие текстов, написанных противниками церковной реформы, в эволюционном развитии литературного процесса вполне объясняется особенностями их традиционализма. Объявив себя хранителями традиций Древней Руси, они, естественно, оставались приверженцами характерного для книжников типа образованности, которую С. Матхаузерова обозначила как «начитанность» в противоположность пришедшей на смену «западной схоластической образованности» [Там же, с. 13–14]. Исследователь обратила внимание на то, что эти две концепции обретения знания базировались на различном восприятии текста – субстанциальном и реляционистическом [Там же, с. 20–23].

Отстаивая свое право оставаться в оппозиции к новшествам, противники церковной реформы вынуждены были развивать традиции книжников Древней Руси в изменившихся условиях. Противостояние новому типу образованности носило скорее полемический характер. Например, отвергая «внешнюю ученость», защитники старого обряда в дискуссиях, при написании публицистических сочинений с успехом использовали не только традиционные приемы древнерусских книжников, но и современные достижения общественной мысли. В этой среде было осуществлено теоретическое обоснование отношения к тексту, базирующееся на традиции, и появилось стремление придать ему большую авторитетность, применив вполне научные методы работы с памятниками письменности.

Особенности традиционализма противников церковной реформы ярко проступают, если обратить внимание на процесс защиты ими необходимости сохранить неизменными обряд и богослужебную практику Русской церкви. Преследуя эту цель, они вынуждены были отстаивать свое право оставаться в оппозиции к новшествам. Прежде всего им пришлось достаточно подробно охарактеризовать тради-

---

¹ Об этом свидетельствуют уже названия монографий. См., например: [Журавель, 2012; Юхименко, 2008] и др.

цию Русской церкви, защитниками которой они себя провозгласили. Фактически противники церковной реформы занялись оформлением этой традиции, поскольку она была только обозначена в Стоглаве. Описывая традицию Русской церкви, они обратились не только к текстам древних русских и греческих рукописей, но и печатных книг, изданных до восшествия на патриарший престол Никона. Противники церковной реформы, составляя сборники из фрагментов текстов, реализовали вполне научный для своего времени подход к работе с используемыми памятниками письменности. Каждая выписка обязательно сопровождалась указанием на исходную рукопись или печатное издание, приводились аргументы в пользу его авторитетности.

О результативности нового, более углубленного, подхода к работе с текстами памятников письменности в среде старообрядцев свидетельствует отмеченный В. Г. Дружининым факт разоблачения подделок, созданных представителями официальной Церкви. Исследователь обратил внимание на овладение ими на век ранее, чем это произошло в официальной науке, приемами палеографии. Современный исследователь В. П. Козлов еще более высоко оценил научный подвиг старообрядцев². Не менее убедительно противники церковной реформы, применяя вполне научные для того времени описания рукописей и старопечатных книг, аргументировали авторитетность исходных текстов, из которых они представляли фрагменты для сопоставления с цитатами из новоизданных литургических книг.

Все новшества интерпретировались ими как отход от традиции и трактовались в качестве уклонения от истинной веры. Аргументами для противников церковной реформы служили разночтения между новыми литургическими текстами и древними рукописями, старопечатными книгами. Направление поисков свидетельств в пользу отстаиваемой точки зрения на новшества защитникам старого обряда было определено реформаторами, которые утверждали, что все изменения в новые книги внесены после сравнения с древними греческими и русскими рукописями. В Предисловии к Служебнику 1655 г. были даны подробные разъяснения по этому поводу, о чем было заявлено уже в его названии: «Предисловие к читателем и сказание о еже како и кими исправися сия Божественная книга Служебник, с древних греческих книг Святыя горы Афона и прочих, и харатейных славенских» [Служебник, 1655, с. 1]³. В названии-аннотации подчеркнуто, что в Предисловие включено сказание об исправлении печатной книги. Далее утверждалось, что внесение исправлений в богослужебные книги было осуществлено по соборному решению и обусловлено необходимостью устранить накопившиеся из-за «неискусства» переводчиков и писцов «с древними греческими же и славенскими несходства и несогласия, явнее же рещи погрешения...» [Там же, с. 18–19].

Реформаторы понимали, насколько важно для паствы было следовать традиции, поэтому таким образом объясняли нововведения. Для убедительности автор Предисловия подробно описал процесс сбора древних русских и греческих рукописей и завершил его кратким резюме по поводу их использования: «И тако благочестивая сия и богомудрая двоица, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... И великий государь святейший Никон патриарх Московский и всея великия и малыя России оныя священныя книги совокупивше вся

---

² Об этом см.: [Дружинин, 1921; Козлов, 1996, с. 22–44].

³ Описание издания см.: [Зернова, 1958, с. 79].

воедино и довольно лежащая в них рассмотривше, и Божиим вседержителным ма-
нием соединившем их в любовь движими целости ради непорочных догмат»
[Служебник, 1655, с. 34].

Давно установлено, что, разумеется, справщики Печатного двора для сверки
текста Служебника, изданного в 1655 г., не обращались ни к русским, ни к грече-
ским древним рукописям, а ориентировались на современный греческий текст –
Евхология 1602 г., Стрятинский служебник 1604 г. и на более поздние Служебни-
ки киевского издания⁴. При этом реформаторы, поскольку общество было
привержено традициям, вынуждены были объяснять все изменения текста бого-
служебной книги исключительно необходимостью исправлять накопившиеся
за долгие годы из-за неточностей перевода и описок писцов отклонения от дре-
вних греческих и русских рукописей. Они акцентировали внимание на том, что все
новации в текст вносились с этой целью. Противники церковной реформы поста-
рались отыскать в этих рукописях свидетельства того, что в них нашел отражение
вариант обряда и богослужебной практики, который отличается от предложенно-
го в новопечатных книгах.

Примером успешного процесса поисков аргументов против новшеств был Со-
ловецкий монастырь, обладающий богатейшей библиотекой. Уровень книжной
культуры иноков монастыря позволил им с легкостью отыскать в древних руко-
писях фрагменты текстов, которые свидетельствовали об изменении реформато-
рами традиционных обрядов и богослужебной практики Русской церкви. Сборник
подобного содержания, как установила О. С. Сапожникова, был составлен в конце
50-х гг. Сергием после возвращения в Соловецкий монастырь из Москвы. В него
были включены тщательно отобранные фрагменты текстов, которые свидетельст-
вовали о явных изменениях, внесенных реформаторами⁵. Выписки были сделаны
не только из древних рукописей, но и из книг, напечатанных в Москве до восше-
ствия на патриарший престол Никона. Исследователь совершенно справедливо
предположила, что «к 1657 г. в Соловецком монастыре разными книжниками бы-
ло подготовлено множество подобных выписок, распространявшихся в “тетра-
дочках”» [Сапожникова, 2010, с. 402]. Соловецкие иноки не только отыскивали
большое количество аргументов в пользу нарушения реформаторами традиций
Русской церкви, но и, опираясь на них, представили обоснование позиции непри-
ятия новшеств. Ярким примером могут служить трактат Герасима Фирсова
«О двуперстии» и пять челобитных Соловецкого монастыря.

Соловецкий монастырь был только одним из центров формирования идеоло-
гии сопротивления церковной реформе и будущего религиозно-общественного
движения, известного под именем старообрядчества⁶. Противниками церковной
реформы было написано большое количество челобитных, составлены сборники
с выписками из авторитетных памятников письменности, найденных с целью от-
стоять свое право оставаться в оппозиции к новшествам. В сборники включались
фрагменты из древних рукописей и старопечатных книг, которые, по мнению со-
ставителей, характеризовали традицию Русской церкви, нарушенную реформато-
рами. Для сопоставления давались выписки из новоизданных богослужебных
книг, которые, естественно, наглядно демонстрировали внесенные изменения.

⁴ Об этом подробно см.: [Дмитриевский, 2004, с. 33–59].

⁵ Об этом сборнике см.: [Сапожникова, 2010, с. 360–374].

⁶ О московском, соловецком и пустозерском литературно-публицистических и книго-
писных центрах см.: [Бубнов, 1995, с. 105–298]. Об образовании первых старообрядческих
центров на окраинах России см.: [Юхименко, 2016, с. 11–48].

Противники церковной реформы осознавали, что тексты, на которые они опирались, должны были быть авторитетными и для оппонентов. Официальная Церковь вынуждена была соборно осудить не только выступающих против новшеств, но и памятники книжности, на которые ссылались защитники старого обряда. На соборе в 1666 г. противники церковной реформы были преданы анафеме, а в 1667 г., на соборе с участием вселенских патриархов, были приняты решения о текстах. Особенно сложно было сформулировать сомнение в авторитетности Стоглава, текст которого служил защитникам старого обряда ориентиром для описания традиции Русской церкви. В «Книге соборных деяний» 1667 г. был предложен такой вариант: «А собор, иже быть при благочестивом великом государе, царе и великом князе Иоанне Василиевиче, всея России самодержце, от Макария, митрополита Московскаго, и что писаша о знамени честнаго креста, сиречь о сложении двою перстов, и о сугубой аллилуии и о прочем, еже писано неразумно, простотою и невежеством, в книзе Стоглаве» [Материалы для истории раскола..., 1876, с. 220–221].

В претензиях к Стоглаву указаны основные дискуссионные вопросы обряда, обсуждаемые в ходе церковной реформы, – о крестном знамени и о припеве церковных песнопений «аллилуия», решение которых на соборе в 1551 г. служило для старообрядцев аргументами при отстаивании точки зрения на новшества. Особое внимание было уделено фразе из 31-й главы Стоглава: «Иже кто не знаменуется двумя персты, якоже и Христос, да есть проклят»⁷. По этому поводу в «Книге соборных деяний» заявлено: «...и клятву юже без разсуждения и неправедно положиша». Далее сообщается, что собор с участием вселенских патриархов эту клятву «разрешает и разрушает», а сам собор «не в собор, и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, якоже и не бысть» [Там же, с. 221]. После этого следует объяснение такого решения: «Зане той Макарий митрополит и иже с ним, мудрствоваша невежеством своим безразумно, якоже восхотеша сами собою, не согласяся с греческими и древними харатейными словенскими книгами, ниже со вселенскими святейшими патриархи о том советоваша и ниже своприсишася с ними» [Там же].

Обвинив митрополита Макария и всех участников собора в невежестве, авторы «соборного узаконения» подчеркнули, что решения на соборе в 1551 г. были приняты без согласования с текстами древних греческих и русских рукописей, без совета с вселенскими патриархами. Подобным образом был отвергнут памятник письменности, в котором зафиксирована традиция произносить два раза припев церковных песнопений «аллилуия»: «К сим же заповедуем и о еже писано в житии преподобнаго Евфросима, от соннаго мечтания писателява, о сугубой аллилуии, да никто тому верует, зане все тое писание блядивое есть, от лстиваго и лживаго писателя писано на прелесть благочестивым народом» [Там же, с. 221–222]. По-видимому, с целью убедить паству в несостоятельности решений Стоглавого собора в «Книгу соборных деяний...» помещена глава «Увещание о бывшем соборе в лето 7059, в царство царя Иоанна Васильевича всеа России» [Там же, с. 389–396].

Вначале подчеркнута значимость состоявшегося в 1667 г. собора с участием вселенских патриархов. Он обозначен как «утверждающий и соединяющий во единство и согласие веры и чина великороссийскую Церковь со святою восточ-

---

⁷ Речь идет о фразе из 31 главы: «Иже кто не знаменуется двумя персты, якоже и Христос, да есть проклят» [Стоглав, 2015, с. 99].

ною Церковью в неких древних преданиях святых апостол и святых отец». Далее поясняется, что речь идет о «преданиях», в описании которых на Стоглавом соборе были допущены «некия вины погрешенныя». После этого представлен их перечень: «О аллилуйи и еже киими персты изображати на лице своем всякому православному крестное изображение, подобне и о священническом, киими персты изображати и осеняти православных, и о четверочастнем кресте и о молитве соборней... и о прочих несогласиях, бывших в преждепечатных книгах, в речениях и чинех» [Материалы для истории раскола..., 1876, с. 390].

В данном случае обозначены все обсуждаемые противниками церковной реформы вопросы, решение которых было представлено ими в сборниках, составленных из цитат из авторитетных рукописей и старопечатных книг. Для официальной Церкви важно было дискредитировать в глазах паствы памятники письменности, на которые ссылались оппоненты. Прежде всего речь шла о Стоглаве, в котором были обозначены особенности русского варианта православия. По-видимому, трудно было найти аргументы, поэтому в «Книге соборных деяний...» было заявлено: «Тем же по сему да никто же и ныне стужает о сем настоящем соборе, видя некия вины на оном бывшем соборе при царе Иоанне Васильевиче погрешенныя...» [Там же, с. 394].

Противники церковной реформы были более убедительны в донесении своей точки зрения до читателей и слушателей, поскольку для сознания населения России второй половины XVII в. была характерна религиозность средневекового типа и образованность, которую С. Матхаузерова обозначила как «начитанность». Защитники старого обряда нашли большое количество авторитетных текстов, из которых следовало, что церковные реформаторы не исполнили своих обещаний опираться при внесении изменений в обряд и богослужебную практику исключительно на древние греческие и русские рукописи.

Печатные книги, изданные до восшествия на патриарший престол Никона, служили защитникам старого обряда дополнительным аргументом в пользу справедливости отстаиваемой точки зрения о нарушении реформаторами традиций Русской церкви. Из отобранных фрагментов текстов из рукописей и старопечатных книг составлялись сборники, к которым обращались авторы при написании публицистических сочинений, излагающих точку зрения на внесение изменений в обряд и богослужебную практику. Отстояв авторитетность исходных текстов, противники церковной реформы уверовали, что отстаивают традиции Русской церкви и смогли быть достаточно убедительными для читателей и слушателей. Это способствовало превращению внутри церковной оппозиции в широкое религиозно-общественное движение и постепенному оформлению его идеологии. Преследование властью и официальной Церковью защитников старого обряда – ссылки, казни – делали их точку зрения еще более популярной.

Следующие поколения старообрядцев продолжили описание традиции Русской церкви, увеличивая количество фрагментов из древних рукописей и старопечатных книг, свидетельствующих о ее нарушении в результате церковной реформы. Публицистические сочинения, написанные первыми противниками церковной реформы, стали восприниматься как обоснование традиции Русской церкви. Примером может служить трактат Герасима Фирсова. Он стал авторитетным текстом для всех даже после разделения движения на два направления, которые, в свою очередь, дробились на согласия и толки. Его копировали, на него ссылались при доказательстве того, что двуперстие было традиционной формой крестного знамения в Русской церкви.

В начале XVIII в., в период подготовки к дискуссиям с миссионерами официальной Церкви, старообрядцами был подведен своеобразный итог описания традиции, защитниками которой они выступали. Появились сборники подготовительных материалов к Дьяконовым и Поморским ответам, в которых были собраны фрагменты из древних рукописей и старопечатных книг, по мнению составителей, отражающие традиционные для России обряд и богослужебную практику. В них представлен результат коллективной работы нескольких поколений противников церковной реформы по отысканию нужных текстов.

Работа одного из идеологов Дьяконова согласия Тимофея Лысенина⁸ над такого рода сборником свидетельствует о масштабности и серьезности подхода к описанию традиции. Разумеется, он использовал отобранные предшественниками фрагменты, но обратился к исходным памятникам, чтобы проверить точность цитат и более подробно описать использованные рукописи и печатные книги. При этом Тимофей Лысенин значительно увеличил круг привлекаемых текстов, из которых он включал в сборник дополнительно цитаты, способные служить аргументами при отстаивании точки зрения на новшества.

Этот сборник послужил основой при работе над Дьяконовыми ответами⁹. К ней были привлечены представители Выга – центра поморского беспоповского согласия. Работая с материалами, собранными Тимофеем Лысениным, выговцы их дополнили и использовали при составлении сборника подготовительных материалов к Поморским ответам. Это свидетельствует о последовательности и предметности работы при описании традиции Русской церкви, защитниками которой считали себя старообрядцы. В публицистических сочинениях, опираясь на отобранные фрагменты из авторитетных текстов рукописей и старопечатных книг, они обосновывали справедливость своей точки зрения на традиционные обряд и богослужебную практику.

При оформлении идеологии согласий авторы-старообрядцы, естественно, опирались на это описание традиции Русской церкви. В Дьяконовых и Поморских ответах со всей очевидностью проступают не только идейные основания защищаемой старообрядцами точки зрения на результаты церковной реформы, но и особенности традиционализма. В дискуссиях, опираясь на древние рукописи и старопечатные книги, они охарактеризовали свое представление об особенностях русского православия, которые нашли отражение в памятниках прошлого. Как ранее было отмечено, традиция Русской церкви к началу реформы была обозначена в Стоглаве и находилась в стадии оформления богословского обоснования обрядовых и богослужебных особенностей религиозной жизни в России. С этой целью привлекались произведения православных писателей Киевской митрополии, написанные в конце XVI – начале XVII в. Противники церковной реформы продолжили этот процесс описания традиции, но им пришлось отстоять право опираться на эти тексты, поскольку Стоглав, а также печатные книги, в которых нашло отражение адаптированное для русских читателей творческое наследие Киевской митрополии, были объявлены отклонениями от православия.

В Дьяконовых и Поморских ответах старообрядцам удалось представить достаточно убедительные доказательства авторитетности этих памятников письменности и завершить процесс описания традиции Русской церкви, защитниками которой они себя провозгласили. В XVIII в. центр Поморского согласия Выго-

---

⁸ О нем см.: [Вургафт, Ушаков, 1996, с. 162].

⁹ Об этом памятнике письменности см.: [Бубнов, Юхименко, 2017].

Лексинское общежитие¹⁰ оказало значительное влияние на духовную жизнь старообрядческого движения. Сборники, составленные на Выгу, публицистические сочинения, написанные лидерами согласия, были востребованы старообрядцами беспоповского и поповского направлений. Разумеется, авторами других согласий они использовались только в той части, которую можно охарактеризовать в качестве общей платформы идеологии движения.

В рамках Выговской литературной школы можно проследить и эволюцию религиозного традиционализма. Поморскими авторами было не только завершено описание традиции Русской церкви, но и обоснована преемственность Выга от Соловецкого монастыря. Тем самым выговцы вписали первое поколение противников церковной реформы и свое согласие в универсальную схему христианской истории¹¹. Это было первым шагом к осознанию факта существования своего согласия как продолжения традиции Русской церкви и необходимости ее описания в новых условиях. В 40-е гг. XVIII в. был составлен «Выгорецкий Чиновник», научная публикация которого была осуществлена в 2008 г. в 2-х томах. В сборную рукопись были включены подлинные документы уставного характера, созданные в 10–40-е гг. для управления старообрядческим общежитием¹².

Историческая схема включения Выга в универсальную христианскую историю и «Выгорецкий Чиновник» явно означала, что центр поморского согласия осуществил попытку представить традицию согласия в качестве продолжения традиции Русской церкви. После этого выговцы сосредоточили внимание не на поиске новых фрагментов текстов, свидетельствующих о незаконности новшеств, а на описании традиции своего согласия. При этом начали формировать особое отношение к старообрядческим подвижникам, основателям пустыни, наставникам¹³. Выговские сочинения стали восприниматься как отразившие эволюцию традиции Русской церкви в новых условиях, после воцарения в мире антихриста. Эсхатологическое учение становится основополагающим для идеологии старообрядческого движения. Им обосновывали право общины претендовать на сохранение традиции Русской церкви.

В рамках Выговской литературной школы особенно ярко проступает стремление старообрядцев представить описание традиции согласия в качестве продолжения традиции Русской православной церкви, которая, по мнению защитников старого обряда, оказалась во власти антихриста. «Выгорецкий чиновник» был попыткой собрать воедино и сохранить комплекс уставных документов, отразивших процесс становления и развития Выго-Лексинского общежития, с целью описать религиозную жизнь общины. В этот период наблюдалось бережное отношение к творческому наследию отцов-основателей пустыни. Процесс попыток описания выговцами традиции собственного согласия особенно заметен в составленных ими сборниках. Ярким примером может служить рукопись БАН, собр. Дружинина, № 114 (145)¹⁴. Сборник составлен и частично написан Мануилом Петровым, который был киноархивом Выгореции в 1744–1759 гг.¹⁵ Составитель, естественно, уделит внимание решению вопросов религиозной жизни и обрядовой практики, поместив соответствующие старообрядческие сочинения.

¹⁰ О нем см.: [Юхименко, 2002].

¹¹ Об этом подробно см.: [Гурьянова, Крамми, 1994].

¹² Об этом подробно см.: [Маркелов, 2008, с. 3–47].

¹³ Об этом подробно см.: [Юхименко, 2002].

¹⁴ Описание сборника см.: [Сочинения писателей-старообрядцев..., 2001, с. 276–277].

¹⁵ О нем см.: [Юхименко, 1996].

В сборнике был представлен культурный проект, в котором предполагалось объединить историческую схему с эсхатологической темой¹⁶.

Совершенно очевидно, что киновиарах попытался охарактеризовать религиозную жизнь общины, описав сложившийся к этому времени уклад. В сборник были включены только старообрядческие сочинения, в которых излагалась точка зрения на решение дискуссионных вопросов обряда и богослужебной практики. Традиция Русской церкви до восшествия на патриарший престол Никона для составителя и читателей к этому времени была ясна и понятна и не требовала дополнительных аргументов. Она была охарактеризована в сборниках и публицистических сочинениях первого поколения противников церковной реформы в качестве описания истинной веры. В XVIII в. старообрядцы осознавали себя ее защитниками, а историческая схема включения согласия в универсальную христианскую историю дала возможность представлять общину как единственное место в мире воцарившегося антихриста, где сохранились истинная вера и традиции Русской церкви.

Это обусловило особенность традиционализма старообрядцев XVIII в. Они перешли к осознанному описанию традиции своего согласия как продолжения традиции Русской церкви. Начало этому процессу положили выговцы, а в более завершенном виде осуществили федосеевцы в конце XVIII – первой половине XIX в.¹⁷ Объем статьи не позволяет более подробно остановиться на особенностях традиционализма старообрядцев XVIII в. Это самостоятельная тема, актуальность которой не вызывает сомнений, поскольку ее решение дает возможность охарактеризовать процесс эволюции традиционализма книжников Древней Руси в условиях Нового времени.

Список литературы

Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб.: Изд-во БАН, 1995. 435 с.

Бубнов Н. Ю., Юхименко Е. М. «Дьяконовы ответы» // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Т. 16. С. 516–518.

Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 3–13.

Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, предметы, события, символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. 317 с.

Гурьянова Н. С. О сборнике, составленном Мануилом Петровым // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. С. 191–218.

Гурьянова Н. С., Крамми Р. О. Историческая схема в сочинениях писателей Выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М.: Археографический центр, 1994. С. 120–138.

Дмитриевский А. А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М.: Языки славянской культуры, 2004. 160 с.

Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. 32 с.

---

¹⁶ О содержании сборника подробно см.: [Гурьянова, 2013].

¹⁷ Об этом подробно см.: [Никаноров, 2017].

- Дружинин В. Г.* Поморские палеографы XVIII столетия. Пг.: 9-я Гос. тип., 1921. 66 с.
- Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
- Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М.: ГБЛ, 1958. 152 с.
- Козлов В. П.* Тайны фальсификации. М.: Аспект Пресс, 1996. 272 с.
- Кудрявцев И. М.* Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М.: Книга, 1972. Вып. 33. С. 149–212.
- Маркелов Г. В.* Выгорецкий Чиновник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. Т. 2: Тексты и исследования. 556 с.
- Материалы для истории раскола за первое время его существования. / Под ред. Н. Субботина. М.: Братство св. Петра митрополита, 1876. Т. 2, ч. 2: Акты, относящиеся к собору 1666–1667 года. 430 с.
- Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. Praha: Univerzita Karlova, 1976. 145 с.
- Никаноров И. Н.* Федосеевское согласие в XVIII–XIX веках: оформление традиции : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 23 с.
- Пиккио Р.* История древнерусской литературы. М.: Кругъ, 2002. 352 с.
- Сапожникова О. С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 560 с.
- Служебник. М.: Печатный двор, 1655.
- Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 448 с.
- Стоглав: Текст. Словоуказатель. М.; СПб.: Ин-т рос. истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 320 с.
- Юхименко Е. М.* К биографии выговского писателя Мануила Петрова // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 53–67.
- Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: В 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Юхименко Е. М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого обществительства: В 2 т. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Юхименко Е. М.* Старообрядчество: История и культура. М.: Старообрядческий Духовно-просветительский центр «Криница», 2016. 852 с.

References

- Bubnov N. Yu. *Staroobryadcheskaya kniga v Rossii vo vtoroy polovine 17 v. Istochniki, tipy i evolyutsiya* [Old Believer book in Russia in the second half of the 17th century. Sources, types and evolution]. St. Petersburg, BAN Publishing house, 1995, 435 p.
- Bubnov N. Yu., Yukhimenko E. M. “D’yakonovy otvety” [“Dean’s answers”]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, Church Scientific Center “Pravoslavnyaya entsiklopediya”, 2007, pp. 516–518.
- Bulanin D. M. O nekotorykh printsipakh raboty drevnerusskikh pisateley [On some principles of the work of ancient Russian writers]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka, 1983, vol. 37, pp. 3–13.

Dmitrievskiy A. A. *Ispravlenie knig pri patriarkhe Nikone i posleduyushchikh patriarkhakh* [Correction of books under Patriarch Nikon and subsequent patriarchs]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 160 p.

Druzhinin V. G. *Pomorskiye paleografy 18 stoletiya* [Pomeranian paleographers of the 18th century]. Petrograd, 9-ya Gos. tip., 1921, 66 p.

Druzhinin V. G. *Slovesnyye nauki v Vygovskoy pomorskoj pustyni* [Verbal sciences in the Vyg Pomeranian Hermitage]. St. Petersburg, Tip. M. A. Aleksandrova, 1911, 32 p.

Gur'yanova N. S. O sbornike, sostavlennom Manuilom Petrovym [On the collection compiled by Manuil Petrov]. In: *Rukopisi 16–21 vv.: issledovaniya i publikatsii* [Manuscripts of the 16th–21st centuries: research and publications]. Novosibirsk, SB RAS Publishing house, 2013, pp. 191–218.

Gur'yanova N. S., Krammi R. O. Istoricheskaya skhema v sochineniyakh pisateley Vygovskoy literaturnoy shkoly [Historical scheme in the writings of the writers of the Vygovskaya literary school]. In: *Staroobryadchestvo v Rossii (17–18 vv.)* [Old Belief in Russia (17th–18th Century)]. Moscow, Archaeography Center, 1994, pp. 120–138.

Kozlov V. P. *Tayny fal'sifikatsii* [Secrets of falsification]. Moscow, Aspekt Press, 1996, 272 p.

Kudryavtsev I. M. Sbornik 17 v. s podpisyami protopopa Avvakuma i drugikh pustozeroskikh uznikov [Collection of the 17th century with the signatures of Archpriest Avvakum and other empty lake prisoners]. In: *Zapiski Otdela rukopisey GBL* [Notes of the Manuscript Department of the State Lenin Library]. Moscow, Kniga, 1972, iss. 33, pp. 149–212.

Markelov G. V. *Vygoretskiy Chinovnik* [Vygoresky Chinovnik]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2008, vol. 2: Teksty i issledovaniya [Texts and research], 556 p.

Materialy dlya istorii raskola za pervoye vremya yego sushchestvovaniya [Materials for the history of the schism during the first period of its existence]. N. Subbotin (Ed.). Moscow, Bratstvo sv. Petra mitropolita, 1876, Vol. 2., pt 2: Akty, otnosyashchiesya k soboru 1666–1667 goda [Acts relating to the synod of 1666–1667], 430 p.

Matkhauzerova S. *Drevnerusskiye teorii iskusstva slova* [Old Russian theories of the art of word]. Prague, Univerzita Karlova, 1976, 145 p.

Nikanorov I. N. *Fedoseyevskoye soglasiye v 18–19 vekakh: oformleniye traditsii* [Fedoseevtsy agreement in the 18th–19th centuries: formation of tradition]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2017, 23 p.

Pikkio R. *Istoriya drevnerusskoj literatury* [History of Old Russian Literature]. Moscow, Krug", 2002, 352 p.

Sapozhnikova O. S. *Russkiy knizhnik 17 v. Sergiy Shelonin. Redaktorskaya deyatel'nost'* [Russian scribe of the 17th century. Sergiy Shelonin. Editorial activity]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-ArkheO, 2010, 560 p.

Sluzhebnik [Service book]. Moscow, Pechatnyy dvor, 1655.

Sochineniya pisateley-staroobryadtsev pervoy poloviny 18 veka [Works of Old Believers Writers of the First Half of the 18th century]. N. Yu. Bubnov (Comp.). St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2001, 448 p.

Stoglav: Tekst. Slovoukazatel' [Stoglav: Text. Word guide]. Moscow, St. Petersburg, Institute of Russian History RAS, Center for Humanitarian Initiatives, 2015, 320 p.

Vurgaft S. G., Ushakov I. A. *Staroobryadchestvo. Litsa, predmetry, sobytiya, simvol'y. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya* [Old Belief. Persons, objects, events, symbols. Experience of encyclopedic dictionary]. Moscow, Tserkov', 1996, 317 p.

Yukhimenko Ye. M. K biografii vygovskogo pisatelya Manuila Petrova [To the biography of Vyg writer Manuil Petrov]. In: *Russkoye obshchestvo i literatura pozdnego feodalizma* [Russian Society and Literature of the Late Feudalism]. Novosibirsk, 1996, pp. 53–67.

Yukhimenko E. M. *Literaturnoye naslediyе Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchезhitel'stva: V 2 t.* [Literary heritage of the Vyg Old Believer community: In 2 vols]. Moscow, LRC Publishing House, 2008.

Yukhimenko E. M. *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': Dukhovnaya zhizn' i literatura. v 2 t.* [Vyg Old Believer Hermitage: Spiritual Life and Literature. In 2 vols]. Moscow, LRC Publishing House, 2002.

Zernova A. S. *Knigi kirillovskoy pechati, izdannye v Moskve v 16–17 vekakh. Svodnyy katalog* [Books of the Cyril print, published in Moscow in the 16th–17th centuries. Consolidated catalog]. Moscow, State Lenin Library, 1958, 152 p.

Zhuravel' O. D. *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadtsev 18 – nachala 21 v.: temy, problemy, poetika* [Literary works of Old Believers in 18th – early 21st centuries: themes, problems, poetics]. Novosibirsk, SB RAS Publishing house, 2012, 442 p.

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Гурьянова, доктор исторических наук
Scopus ID 57222243564

Information about the author

Natalia S. Gurianova, Doctor of History
Scopus ID 57222243564

*Статья поступила в редакцию 10.05.2021;
одобрена после рецензирования 12.06.2021; принята к публикации 12.06.2021
The article was submitted 10.05.2021;
approved after reviewing 12.06.2021; accepted for publication 12.06.2021*